

DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu2.2015.5.16>

УДК 811.112.2

ББК 81.432.4-006

КОГНИТИВНАЯ МЕТАФОРА В КОНЦЕПТАХ «ЖЕНЩИНА» И «МУЖЧИНА» (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТОВ ШВАНКОВ РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ)

Евгения Александровна Чистюхина

Кандидат филологических наук, доцент кафедры перевода и переводоведения,
Новосибирский военный институт внутренних войск
имени генерала армии И.К. Яковлева МВД России
etschistjuchina@mail.ru
ул. Ключ-Камышенское плато, 6/2, 630114 г. Новосибирск, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматриваются когнитивные образы мужчины и женщины, представленные в шванках российских немцев и отражающие особенности категоризации и концептуализации окружающего мира российскими немцами. Отмечается, что особая роль в процессе познания реальной действительности отводится когнитивной метафоре, одним из свойств которой является способность передавать специфические черты национальной картины мира. В ходе анализа средств языковой объективации концептов «мужчина» и «женщина» в шванках российских немцев были выявлены когнитивные метафоры и установлено, что в их основу положены зооморфные и ботанические образы, образы природных явлений, предметов быта и вымышленных существ. Показано, что обнаруженные в шванках когнитивные метафоры формируют базирующиеся на разных признаках оппозиции: мужские : : женские : : общие; положительные : : отрицательные; инициированные немецкой лингвокультурой : : инициированный русской лингвокультурой : : универсальные : : уникальные. Доказано, что когнитивные метафоры в шванках эксплицируют особые представления о мужчинах и женщинах в картине мира российских немцев и позволяют говорить об особом способе концептуализации мира, сформировавшемся у российских немцев под влиянием двух лингвокультур – русской и немецкой. Кроме того, в статье подчеркивается, что использование в шванках когнитивных метафор позволяет достичь комического эффекта и воспитательного воздействия на аудиторию.

Ключевые слова: когнитивная наука, когнитивная метафора, когнитивный образ, шванк, российские немцы, лингвокультура.

«В разные эпохи, в разные исторические периоды существования человека, язык изучался по-разному, и в поле зрения ученых оказывались разные функции языка, разные его ипостаси и особенности. В разных направлениях и школах язык как бы поворачивался к нам новыми гранями. Все зависело от точки зрения на язык, а значит, в зависимости от этого фактора мы могли увидеть в языке не только разное, но больше или меньше» [5, с. 475].

Вторая половина XX и начало XXI века характеризуются появлением когнитивной науки, которая понимается как наука о знании и познании, о результатах восприятия мира и предметно-познавательной деятельности людей, накопленных в виде осмысленных и приведенных в определенную систему данных, которые каким-то образом репрезентированы нашему сознанию и составляют основу ментальных или когнитивных процессов [1–3].

Естественный доступ к сознанию и различным мыслительным процессам обеспечивает язык. Именно благодаря ему (языку) мы получаем возможность их наиболее объективного анализа [4, с. 13].

Одно из центральных мест в когнитивной науке занимает проблема категоризации и концептуализации окружающего мира. Особая роль в этих процессах отводится метафоре. В когнитивной науке метафора определяется как основная ментальная операция, как способ познания, категоризации, концептуализации, оценки и объяснения мира [7]. Дж. Лаккофф и М. Джонсон, авторы книги «Метафоры, которыми мы живем», одними из первых отметили, что метафоры не ограничиваются лишь сферой языка, в значительной степени метафоричны и сами процессы мышления человека: «Наша обыденная понятийная система, в рамках которой мы думаем и действуем, по сути своей метафорична» [6, с. 25]. Такой подход, как отмечает А.П. Чудинов, позволил окончательно вывести метафору за рамки языковой системы и рассматривать ее как феномен взаимодействия языка, мышления и культуры [7].

Сущность когнитивной метафоры заключается в понимании одного явления сквозь призму другого. Механизм действия метафоры основан на взаимодействии двух когнитивных структур – когнитивной структуры области источника (сферы-источника) и когнитивной структуры области цели (сферы-цели). В процессе метафоризации происходит структурирование информации менее понятной целевой области по образцу источника, при этом концептуальная сфера, подлежащая осмыслению, описывается в терминах сферы-источника, что приводит к появлению метафорических выражений, представляющих собой средства реализации концептуальной метафоры в языке [2, с. 7]. В процессе метафорической проекции происходит «высвечивание отдельных свойств источника в области цели», которые в ней «не представлены или скрыты» [6, с. 9–10].

Следует отметить, что концептуальная метафора аккумулирует укоренившиеся в языке и культуре этноса наиболее фундаментальные культурные ценности, согласованные с общим культурным фоном и отража-

ющие мировидение народа [6]. Таким образом, в метафорах отражаются национальные особенности восприятия мира, уникальные характеристики национальной картины мира.

В рамках данной статьи рассматриваются когнитивные метафоры, представленные в шванках российских немцев и выявленные в ходе анализа средств языковой объективации концептов «мужчина» и «женщина».

Под шванком мы, вслед за Э. Штрасснером, понимаем написанный на диалекте короткий комический рассказ, основное назначение которого состоит в разоблачении какого-либо человеческого или социального порока [8, с. 18]. Одна из главных особенностей шванка заключается в его способности к сохранению национальной идентичности их авторов, их родного языка и культуры.

В ходе анализа языковых средств репрезентации концептов «мужчина» и «женщина», извлеченных из шванков российских немцев, нами были выявлены когнитивные метафоры, включающие зооморфные и ботанические образы, образы природных явлений, предметов быта и вымышленных существ, которые эксплицируют особый взгляд на сущность мужского и женского и позволяют говорить об особом способе концептуализации представлений о мужчине и женщине, сформировавшемся у российских немцев.

Наиболее частотными в шванках являются зооморфные образы, менее частотны ботанические образы, образы предметов и вымышленных существ. Посредством подобных когнитивных образов авторы шванков акцентируют внимание на отдельных чертах характера, внешности, особенностях поведения, интеллектуальном развитии, материальном положении героев шванков.

Когнитивные метафоры в шванках формируют разнообразные оппозиции. Так, среди когнитивных метафор в шванках можно выделить метафоры, характеризующие мужчин, метафоры, характеризующие женщин, и общие метафоры, характеризующие как мужчин, так и женщин. К когнитивным образам, лежащим в основе метафор, характеризующих мужчин, относятся образы свиньи, бегемота, медведя, петуха, kota, лисы, осла, воробья, барана, рака, дерева, дизель-

ного мотора и серной спички. Среди когнитивных образов, лежащих в основе метафор, характеризующих женщин, следует назвать образы гуся, гусыни, козы, львицы, черта и гранита. Общими являются когнитивные образы сороки, лошади / кобылы, навоза и собаки. Образы сороки и навоза отражают свойственные и мужчинам, и женщинам качества – любопытство и лень соответственно. Образы собаки и лошади репрезентируют разные характеристики мужчины и женщины. Если лошадь является символом трудолюбивого мужчины, то по отношению к женщине образ кобылы используется для отражения такой черты ее характера, как упрямство. Образ голодной собаки используется при характеристике жадной женщины, а образ бездомной дворняжки – при характеристике мужчины, изменяющего своей жене. Итак, более разнообразными и многочисленными являются метафоры, характеризующие мужчин.

Еще одну оппозицию в шванках формируют метафоры, отражающие отрицательные качества мужчин и женщин, и метафоры, объективирующие положительные характеристики героев шванков. Отрицательные черты женщин и мужчин репрезентируют следующие метафоры.

Одним из востребованных когнитивных образов является образ гуся (*du dumme Gans; dumme Gans*). В шванках с гусем сравнивается, как правило, женщина, совершившая глупый поступок или не отличающаяся большим умом. Часто используется и образ гусыни: в сознании российских немцев гусыня ассоциируется с болтливой женщиной (*du Schnattergans*).

Используя когнитивные образы сороки и козы, авторы шванков указывают на любопытство женщины или мужчины (*naseweisig is die Lore wie ä Zick, wann'r dann aisemol vunre Vrsammlung oder Sitzung haam is komme, do war sei Wäs Marilis neischierig wie e Ätzel*).

В шванках российских немцев актуализируется образ кобылы, посредством которого находит свое выражение такая черта характера женщины, как упрямство (*widerspenstisch wie'n alter Gaul*).

Образ голодной таксы, использованный в шванках лишь в одном контексте, служит

для представления жадности как отрицательной черты характера женщины (*so geizig wie ein hungriger Dackel*).

С чертом или ведьмой сравнивается злая женщина (*des war de Teifl in Person; de Teifl in Person; alti Hex; is iwer e Hex*).

Часто авторы шванков используют образы жирной свиньи, бегемота и пьяного медведя, с которыми они сравнивают хряпящего мужчину (*hot gschnorcht wie ehn fetter Sauwatz; schnorkst wie'n Begemot; schnorcht wie n bsoffene Bär*). Посредством образа свиньи характеризуется также пьяный мужчина (*war besoffe gewest wie e Sau*).

Яркой характеристикой мужчины, которому нравятся женщины, являются сравнения с петухом, мартовским котом или котом, который охотится на мышей (*Itise Pius is unndene wie n routkammiche Gickl rumgflattrt; trotzdem hun'm schun sei Aache wie'n heiratslustiche Märzkaatr gfunkt; den reiche Weibslait is der Lümmel noochgedrückt wie die Katz 'ner Maus; Wann dere mocklich Weibsbild sieht, funkle ihm die Aache wie'm Koodr, wann'r noch're Maus spannt*).

С бездомной дворняжкой сравнивается мужчина, который изменяет своей жене (*läuft nu wie ein herrenloser Köter bald zu seiner Familie, bald zu seiner Buhlerin*).

Образы петуха или индюка используются в шванках для характеристики хвастливого и заносчивого мужчины (*hot sich wie ehn bsofener Gickel nouch alle Seite umgschaut un gprahlt; bauschte sich auf wie ein Truthahn*).

Образ лисы отражает такое качество мужчины, как хитрость (*listigr wie'n Fuchs*).

Когнитивный образ осла служит для характеристики глупого мужчины (*n richtiger Esel; du eselhafter Mensch*).

Авторы шванков часто прибегают к сравнению мужчины с воробьем. Посредством этого образа шванкисты описывают мужчину, который ругается и употребляет при этом бранные слова (*schimpfte wie ein Rohrspatz; fluchte wie ein Heckenspatz; mei Tasche hat geflucht wie n Rohrspatz*).

Образы петуха, барана и рака используются для описания ярких особенностей внешности мужчины. Так, худой мужчина похож на осеннего петуха (*nicht schwerer als ein*

schöner Herbstgickel), лысый – на остриженного барана (*wie'n g'schorene Schofbock*), раскрасневшийся – уподобляется вареному раку (*rot wie ehn gekochter Krebs*), а внезапно побледневший – сравнивается с тенью (*ausgesehe wie dr Schatte an der Wand*).

Образ дерева, являющийся единственным ботаническим образом, используется для обозначения высокого мужчины (*der baumlange Vetter Hense*). При этом следует отметить, что высокий рост в данном случае становится отрицательной характеристикой человека, а сама метафора обладает сниженной эмоциональной окраской.

С навозом в шванках сравнивается ленивый человек (*die sein so faul wie dr Mist*).

Дизельному мотору или радио уподобляется болтливый мужчина (*wie ehn Dieselmotor plappre konnt; Dea hat ä Mundwerk ghat, wie so ä Radiokäschtje*).

С серной спичкой сравнивается вспыльчивый мужчина (*hitzig wie ein Schwefelholz*).

Для объективации положительных характеристик мужчины и женщины в шванках российских немцев используется гораздо меньшее количество когнитивных метафор. Так, образ львицы отражает сильный характер героини шванков (*wie ä Löwin stark und groß*). Женщину с сильным характером сравнивают также и с гранитом (*Karakter hart wie n Granitstaa*).

Когнитивный образ лошади является символом мужчины, который много и тяжело работает (*gschaft hat wie'n Gaul*).

Такое неравномерное соотношение отрицательных и положительных когнитивных метафор, возможно, связано с тем, что основное назначение шванка заключается в высмеивании человеческих пороков.

Следующую оппозицию в шванках образуют метафоры, возникшие под влиянием немецкой лингвокультуры, метафоры, возникшие под влиянием русской лингвокультуры, универсальные метафоры и метафоры, свойственные только лингвокультуре российских немцев.

Влиянием немецкой лингвокультуры обусловлено, по-видимому, наличие метафоры, в основу которой положен образ гуся. Одним из значений слова *Gans* в немецком языке является «unerfahrene, junge weibliche

Person». В этом значении оно имеет сниженную эмоциональную окраску и употребляется в разговорной речи, что соответствует ситуациям, в которых сравнение с гусем используется в шванках. В русском же языке слово *гусь* употребляется по отношению к ненадежному, плутоватому человеку, который не вызывает доверия.

Под влиянием немецкой лингвокультуры, возможно, появились образ гусыни для характеристики болтливой женщины (немецкое слово *Schnattergans* обозначает болтливого человека), сравнение похотливого мужчины с петухом, бранящегося человека с воробьем, завязтого лентяя с навозом (*schimpfen wie ein Rohrspatz, Gockel ist ein Mann, der sich besonders männlich gibt und auf sexuelle Abenteuer aus ist; faul wie Mist*), уподобление высокого мужчины дереву (*ein baumlanger Bursche*).

Влиянием русской лингвокультуры вызвано появление когнитивных образов серной спички и тени (ср. рус. *вспыльчивый как спичка; бледный как тень*), образов петуха или индюка, использующихся для характеристики хвастливого и заносчивого мужчины (ср. рус. *надулся как индюк, ходить петухом*), а также образа кога для характеристики похотливого мужчины (ср. рус. *мартовский кот*). В немецкой лингвокультуре подобные сопоставления отсутствуют.

В шванках российских немцев представлено большое количество метафор, характерных и для немецкой, и для русской лингвокультур. Универсальным, например, является сравнение любопытного человека с сорокой, а женщины, которая обладает сильным характером, – с львицей и гранитом. Образы льва и гранита характерны для любой культуры: человек с давних времен почитает льва как царственного зверя, наделенного благородством, храбростью, мощью, гранит же во многих культурах ассоциируется с непоколебимостью, твердым характером и жестокосердием. Уподобление злой женщины черту или ведьме носит универсальный характер и обнаруживается в разных лингвокультурах, поскольку такая женщина воспринимается как олицетворение зла.

Универсальными можно назвать когнитивный образ лошади, поскольку сравнение чело-

века с лошастью встречается и в русской, и в немецкой лингвокультурах и характеризует человека, который много работает, образ лисы, использованный для характеристики хитрого мужчины (с лисой во многих культурах ассоциируется хитрый, лукавый человек), образ осла, использованный для характеристики глупого мужчины, образ рака – для характеристики раскрасневшегося человека.

Вопрос о том, под влиянием какой лингвокультуры появился образ кобылы при характеристике упрямой женщины, не имеет однозначного ответа, поскольку в русском языке существуют пословицы *Лошадка упряма, да везет прямо; Добр конь, да норовец есть – упрямый; Калмыцкую лошадь один только калмык и переупрямит*, а в диалектах немецкого языка отмечается словосочетание *ein stäter Gaul* в значении «ein störrischer Mensch», то есть упрямый.

Картина мира российских немцев обладает рядом уникальных характеристик, отражением которых являются метафоры, встречающиеся только в шванках российских немцев.

Например, сравнение любопытной женщины с козой, с нашей точки зрения, является уникальным для картины мира российских немцев, поскольку в немецком языке слово *Zicke* обозначает капризную женщину, а у русских сравнение с козой используется по отношению к бойкой, подвижной девочке или девушке. Возможно, подобная метафора возникла при наблюдении за домашними животными: козу отличает сообразительность и любопытство, когда ей нужно чего-то добиться или что-то найти.

Уникальным для картины мира российских немцев является образ голодной таксы, использованный для характеристики жадной женщины. Ни в русском, ни в немецком языке мы не находим подобных образов. С нашей точки зрения, данное сравнение возникло в ходе наблюдения за повадками домашних животных.

Специфичными, кроме того, являются образы жирной свиньи, бегемота и пьяного медведя, с которыми авторы шванков сравнивают храпящего мужчину, а также образ бездомной дворняжки при характеристике мужчины, изменяющего жене. Не имеющими аналогов в немецкой и русской лингво-

культурах являются образы, возникшие на основе сходства поведения человека и работы техники: образ дизельного мотора и радио используются при характеристике болтливого мужчины.

Таким образом, наибольшее количество когнитивных метафор универсальны, свойственны и русской, и немецкой лингвокультурам. Несколько меньше в шванках уникальных метафор, характерных только для картины мира российских немцев. Что касается влияния русской и немецкой лингвокультур, то больше метафор заимствовано из немецкой лингвокультуры, меньшее количество – из русской. Данный факт позволяет сделать вывод о том, что несмотря на иноязычное окружение, российские немцы стремятся сохранить свои исконные национальные черты.

Как видим, в шванках российских немцев концепты «женщина» и «мужчина» находят яркое образное выражение. В ходе анализа средств языковой объективации исследуемых концептов было установлено, что доминирующими являются зооморфные образы. Как правило, это образы домашних животных и птиц или диких животных и птиц. Менее частотны образы неживых предметов и вымышленных существ. Ботанические образы встречаются редко. В шванках российских немцев можно выделить три оппозиции когнитивных метафор: в соответствии с носителем качества, признака представлены мужские : : женские : : общие; в соответствии с полюсом оценки – положительная : : отрицательная; в соответствии с источником влияния – инициированные немецкой лингвокультурой : : инициированный русской лингвокультурой : : универсальные : : уникальные. Использование авторами шванков разнообразных когнитивных метафор позволяет, с одной стороны, достичь комического эффекта и воспитательного воздействия на аудиторию, с другой стороны – отразить особенности жизни, быта и культуры российских немцев, проживающих в иной лингвокультурной среде. Кроме того, выявленные метафоры продемонстрировали контаминированный характер картины мира российских немцев, сформировавшейся под влиянием русской и немецкой лингвокультур, но при этом обладающей своеобразием концептуализации окружающего мира.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Демьянков, В. З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода / В. З. Демьянков // Вопросы языкознания. – 1994. – № 4. – С. 17–33.

2. Кириллова, Ю. Н. Спортивная концептуальная метафора в современном немецкоязычном дискурсе СМИ : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Кириллова Юлия Николаевна. – Барнаул, 2011. – 22 с.

3. Кубрякова, Е. С. Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика – психология – когнитивная наука / Е. С. Кубрякова // Вопросы языкознания. – 1994. – № 4. – С. 34–47.

4. Кубрякова, Е. С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики / Е. С. Кубрякова // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – № 1. – С. 6–17.

5. Кубрякова, Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е. С. Кубрякова. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.

6. Лакофф, Дж. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.

7. Чудинов, А. П. Становление и эволюция когнитивного подхода к метафоре / А. П. Чудинов, Э. В. Будаев // Новый филологический вестник. – 2007. – № 1 (4). – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-i-evolyutsiya-kognitivnogo-podhoda-k-metafore> (дата обращения: 29.07.2015). – Загл. с экрана.

8. Strassner, E. Schwank / E. Strassner. – Stuttgart : I.B. Metzlerische Verlagsbuchhandlung und Carl Ernst Poeschel Verlag GmbH, 1968. – 108 S.

[Cognitive Linguistics as a kind of interpretative approach]. *Voprosy yazykoznanija* [Topics in the study of Language], 1994, no. 4, pp. 17-33.

2. Kirillova Yu.N. *Sportivnaya kontseptual'naya metafora v sovremennom nemetskoyazychnom diskurse SMI : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Conceptual metaphor of sport in modern German media discourse. Cand. philol. sci. abs. diss.]. Barnaul, 2011. 22 p.

3. Kubryakova E.S. *Nachal'nye jetapy stanovleniya kognitivizma: lingvistika – psihologiya – kognitivnaya nauka* [Opening Phases of cognitive science development: linguistics – psychology – cognitive science]. *Voprosy yazykoznanija* [Topics in the study of Language], 1994, no. 4, pp. 34-47.

4. Kubryakova E.S. *Ob ustanovkah kognitivnoy nauki i aktual'nyh problemah kognitivnoy lingvistiki* [On Goals of cognitive science and modern cognitive linguistics]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki* [Issues of Cognitive Linguistics], 2004, no. 1, pp. 6-17.

5. Kubryakova E.S. *Yazyk i znanie: Na puti polucheniya znaniy o yazyke: Chasti rechi s kognitivnoy tochki zreniya. Rol' yazyka v poznanii mira* [Language and Knowledge: On the way of getting knowledge. Parts of speech from the cognitive viewpoint. The role of language in understanding the world]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2004. 560 p.

6. Lakoff Dzh., Dzhonson M. *Metafory, kotorymi my zhivem* [Metaphors we live by]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2004. 256 p.

7. Chudinov A.P., Budaev Je.V. *Stanovlenie i jevolyutsiya kognitivnogo podhoda k metafore* [Formation and development of cognitive approach to metaphor]. *Novyi filologicheskij vestnik* [New philological vestnik], 2007, no. 1 (4). Available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-i-evolyutsiya-kognitivnogo-podhoda-k-metafore> (Accessed 29 July 2015).

8. Strassner E. *Shvank*. Stuttgart, I.B. Metzlerish publishing house and Carl Ernst Poeschel publishing house Ltd, 1968. 108 p.

REFERENCES

1. Dem'yankov V.Z. *Kognitivnaya lingvistika kak raznovidnost' interpretiruyushchego podhoda*

COGNITIVE METAPHOR IN THE CONCEPTS “WOMAN” AND “MAN” (ON THE MATERIAL OF THE SHVANKS OF THE RUSSIAN GERMANS)

Evgeniya Aleksandrovna Chistyukhina

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor,

Department of Translation and Interpreting,

Novosibirsk Military Institute of the Internal Troops

named after general of the Army I.K. Yakovlev of the Ministry of the Interior of the Russian Federation
etschistjuchina@mail.ru

Klyuch-Kamyshevskoe plato St., 6/2, 630114 Novosibirsk, Russian Federation

Abstract. The article considers concepts «male» and «female» male and female frames which occur in the *shvanks* of the Russian Germans and reveals some peculiarities of world categorization and conceptualization by the Russian Germans. It is pointed out that the cognitive metaphor plays an important role in this process and reveals specific characteristics of a national world-image. The analysis of linguistic means to represent concepts «male» and «female» highlights it that cognitive metaphors in the *shvanks* include zoomorphic, botanic images, fragments of frames of natural objects, household items, and mythical creatures. The author states that cognitive metaphors in the *shvanks* can be arranged in three oppositions – male::female::common; positive::negative; caused by the German linguaculture::caused by the Russian linguaculture::universal::unique. The article proves the statement about ethnocultural references in explication of male and female images in the world map of the Russian Germans that reflect specificity of their world conceptualization under the influence of both cultures – Russian and German, including: the prevalence of male frames against female, negative metaphors against positive. It is stated that there are still universal frames, frames directly caused by the German linguaculture, and some unique metaphors. The author concludes that due to the cognitive metaphors by *shvanks* Russian Germans can achieve some extra aims: comic effect and educational impact.

Key words: cognitive science, cognitive metaphor, frame, shvank, Russian Germans, linguacultural studies.